

Константин Байков

Карлубай

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНЮЮ

БРАНЬ

18+

Константин Байков

Карлубай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42643439

SelfPub; 2019

Аннотация

Небольшие истории, где незаметно переплетаются между собой реальность и фантастика, жизнь и смерть, любовь и ненависть. Где мёртвые наблюдают за живыми, а живые завидуют мёртвым. Где счастье, казалось бы, близко, но никогда не наступит... Там, где заканчивается этот мир, начинается другой. Содержит нецензурную брань.

Хозяин

Ту собачку, что бежит за мной, зовут «Последний шанс».

Мы громко лаем и кричим, бросая на ветер слова,

Хотя я знаю о том, что все это зря.

Крематорий.

Я – маленькая собачка и стою мало денег. Иногда мне кажется даже, что я не стою вообще ничего. Так, надоедливое и бесполезное существо. Ах да, я не представилась. Меня зовут Крыса, и я хочу рассказать вам о своих последних днях, перед тем, как оказалась здесь, в собачьем раю.

Когда-то один человек подарил меня своей жене. Это было моё лучшее время. Я была любима, всегда много и вкусно ела, со мной постоянно играли и брали в путешествия. Так прошло три года...

Потом хозяйка ушла. Навсегда. Я ждала её каждый день,

но она уже не появилась. Так наступила моя новая, собачья жизнь. Жизнь, к которой меня не готовили.

– Наливай, чего ты, в самом деле, – это к хозяину пришли друзья. Вот уже несколько недель подряд, как они, собираясь вместе, обсуждают уход от него жены.

– Ну, вот ты скажи мне, чего ей ещё не хватало, а, Серёга? – вопрошал пьяный хозяин и тут же сам отвечал на свой вопрос:

– Да я для неё себя не жалел, всю зарплату отдавал, на море вот, опять, собирались съездить... не бил даже. Собаку вот подарил, она ж нам как дочка была, – в такие моменты он всегда указывал на меня жестом и мне со стола летели вкусняшки.

– Этим бабам всегда мало! Ты им душу наизнанку, а они тебе – говна на лопате, курвы! – подытоживал Серёга. Я люблю его больше всех. Хоть он и неудачник, но всегда незаметно подкармливает меня. Раньше, когда мы дружно жили втроем, но хозяина не было дома, этот Серёга часто приходил к моей хозяйке. Он раздевался сам и помогал раздеться ей, потом ложился сверху и начинал пыхтеть. Хозяйка стонала под ним и, смеясь, говорила мне отвернуться, а я лишь искренне радовалась, наблюдая за их беззаботной игрой.

– Забей, говорю, Алексей. Может, ещё вернётся. Лучше тебя вряд ли найдёт. Моя, вон, два раза уходила, так ничего. Простил и дальше живём, – утешал хозяина второй друг, Виктор.

Странные вы, люди. Зачем вам дают имена, которые вам не подходят? У нас у собак всё проще – наши имена ничего не значат. Ну, Крыса и Крыса. Потому что маленькая. Это как бы понятно. Но ведь Виктор, это победитель. Это звучит гордо. По крайней мере, должно. На деле же, Виктор – мягкотелый и слабохарактерный человек, воспитывающий чужих детей, которых после каждого раза приносила ему жена, уверяя, что от него. И оба раза он верил ей. И оба раза прощал... Я узнала об этом из разговоров, когда их женщины собирались вместе.

– В голове не укладывается, как всё это могло со мной произойти, – удивлялся хозяин и подливал гостям ещё огненной воды. Если бы он только знал, на кого променяла его жена, то не раздумывая перегрыз бы глотку Серёге. Но он не знает. Он многого не знает. И, хорошо, что я не могу сказать об этом. Какой бы он ни был, но я с ним живу. Уже скоро всё закончится. Гости уйдут. Хозяин уляжется на диване, пораскидав свои вещи, и подзовет меня. Мы будем спать. Я буду долго лизать ему лицо, от слёз катящихся градом. И не бе-

да, что пахнет спиртным. Он будет долго гладить меня, и целовать в низу живота. Он странный, когда выпьет, но я привыкла. И опять хождение полночи, и снова в никуда слова, вы мне отмерьте жизни покороче, чтоб счастливым он стал, как никогда...

– Захочешь ссать, ссы здесь. Я завтра уберу, – сказал мне на прощанье Человек и проблевался.

Наступило утро. Я потянулась, сильно зевнула и открыла глаза. Хозяин по-прежнему спал. Пусть себе спит. Надо бы поискать еды. Да где ж её взять. Можно порыться в мусорном пакете, конечно. Но и пакета не оказалось на своём месте. Его вчера ещё забрали с собой люди.

А день идёт. И нет воды. Я стала с пола жрать засохшую блевоту.

Уж вечер наступил. Стемнело. Мой человек успел остыть. К нему запрыгнула я боязливо. Лизнула по лицу. Не дышит. Вот это, *****, подарочек судьбы!

Мне стало страшно и тоскливо. Что делать же теперь, как быть? Кроме как звать на помощь, я ничего больше не придумала. Всю ночь я царапала дверь, скулила и громко лаяла. Бегала взад и вперёд. Носилась по комнатам. Подбегала к хозяину и слушала:

«Подышит, может?».

Нет.

Замирала и смотрела на него: «Ну, двинь рукой!».

Нет. Без вариантов.

И вновь наступает утро.

Окончательно охрипнув от постоянного лая, пытаюсь привлечь внимание людей, обессиленная засыпаю...

Я стала есть хозяина на третий день. Начала с пальцев ног. Их было легче всего отгрызть. Затем перешла на кисти. Больше всего мне понравились губы. Цельное мясо. Без костей. Уши и нос тоже пошли на ура. В туалет я ходила здесь

же. Срала, где ела. В общем, не заморачивалась.

Прошло много времени, когда в дверь стали звонить и стучать. Как позже оказалось, от запаха. В это время я как раз дожёвывала хозяйский хер. Дверь с грохотом выбили.

Вошли люди. Я видела их впервые.

«Ну ****ец!», – последние слова, которые я услышала, после чего меня с силой ударили чем-то по голове...

А я и не сопротивлялась. Так будет лучше.

Карлубай

Я разговаривал со стеной. Все мои обращения оставались без должного внимания. Женщина продолжала сосредоточенно молиться, стоя на коленях, в то время, как её цепной пёс силился порвать свою цепь.

Врожденная скромность не позволяла мне пройти через хлипкую изгородь, и оставалось лишь просто стоять и надеяться на гостеприимство. Идти было некуда – кругом тайга. Ко всему прочему, голод и усталость в край умотали меня.

– Мне бы до утра только, куда ж я пойду то... Ноги моей завтра не будет. Только меня и видели.

"Дама с собачкой" смотрела на меня, скорее, с ненавистью и отвращением, чем с жалостью и состраданием. Практиче-

ски отчаявшись, я сел на землю, опершись спиной о забор и обхватив голову руками. Хрен с ним, подумал я, здесь за-ночью.

Вечерело...

Прицельно брошенный в меня камень угодил прямо по голове. Я встал, осмотрелся. Посчитав тем самым свою миссию выполненной, женщина освободила набитый неиспользованными снарядами подол своего платья и прошла в дом, затем вышла оттуда с ведром, швырнув его. Недалеко, правда.

– Воды в баню натаškai, – сказала она, – Речка там.

Вот те черт, сжалилась, старая ведьма. Открыв калитку, я шагнул в неизведанное. Ржавое, помятое, прохудившееся ведро, с веревкой вместо ручки, лежало в нескольких шагах от конуры. Я настолько был уставшим, что проследовал за ним, совсем забыв о собаке. К моему удивлению, человеческий друг был либо умён, либо ленив, т.к. должного интереса ко мне не проявил.

– Сиди так, сука, и не дёргайся! – выругался я.

Сколько раз я проделал путь от реки до дома, не имеет больше никакого значения. Помню лишь, что замотался изрядно. Растянувшись в предбаннике на грязном полу, я проклинал все, что видел вокруг себя. Вошла хозяйка. С дебилской улыбкой на средневековом лице, она принесла мне какое-то подобие безразмерных вещей с неизвестной половой принадлежностью:

– На вот, переоденешься потом.

Кой хер тебя просил, дура. Все что мне надо, всего лишь сон.

Радужная хозяйка села рядом на скамью. Получилось так, что я оказался лежать у её ног.

– Раздевайся. Я растоплю пока.

Её голос звучал монотонно, хотя и с явными чертами превосходства.

По выражению её лица я понял сразу, уходить куда-либо она не собирается. Наблюдать за таинством обнажения, есть важная для неё цель.

– Да ты меня не бойся. Я ведь здесь одна живу. Мужика-то никогда и не видела.

Как зачарованный я начал раздеваться. Медленно стягивая с себя штаны, рубаху, майку кидал всё на пол. Когда на мне остались одни лишь только трусы, ещё более замедлился. Мадам с любопытством наблюдала за мной. Подняв мои грязные вещи, стала перебирать их, подносить к носу и вытягивать терпкий мужицкий аромат. От вида этого действия, мне стало не по себе. Я снял трусы, со злости кинул их ей в рыло и прошел в холодную, не протопленную баню, сильно хлопнув дверью... Пусть расценивает это за бунт.

Как же холодно здесь. Интересно, она сама хоть моется, подумал я. Такое ощущение, будто здесь веками не топили.

Снаружи было слышно хозяйскую возню. Хлопотала видать, чтоб не примёрз я тут, к хуям собачьим, окончательно.

Вскоре пришла хозяйка, с тазом не известного мне раствора, природного, по всей видимости, происхождения. Пахло, надо признать, не плохо. На спирту. И где она его только достать смогла, в таких-то безлюдных местах. Самогонщица.

– Ложись на спину, – уже мягче звучал её голос, – это полезно.

Конечно, полезно, подумал я, какой нормальный мужик от перепиха откажется. Тем более что баба мужика отродясь не видела. Оголодала, наверное, по ласке, как сука последняя.

– Меня Агафья зовут, – представилась женщина, – а собаку мою Карлубаем кличут. Он из простых собак, не из породистых. А выгонять то я его и не стала, пушай скулит себе, животное.

Про то, что мне абсолютно пох на них двоих, я говорить не стал. Сказал лишь:

– Константин.

Так состоялось наше первое знакомство, в скором времени ставшее для меня и последним. О, сколько мне открытий чуждых, готовит сей знакомства миг...

Я не знаю, каким приворотным зельем пользовалась эта сука, но вынесло меня напрочь. Ей же хоть бы хны. Моё сознание и разум не покидали меня в течение всего процесса, в то время как тело отказалось повиноваться. Агафья нати-

рала мой вопиюще стоящий член своим эликсиром. От адской боли сводило яйца. При этом я продолжал, как заговоренный, отвечать на все её вопросы и рассказывать истории из своей жизни.

– Какое хорошее имя – Константин, – Агафья без труда перевернула меня. Видимо вся процедура с натиранием невероятно доставляла ей.

На шконаре, где я лежал, было отверстие. Мой жезл попал аккурат в него. Агафья будто доила меня. Странное дело, но я так и не кончил. Семя всё продолжало скапливаться в мошонке, не имея возможности выйти наружу.

Женщина встала, потянулась, достала с полки ножницы.

– Что ж ты делаешь то, тварина?

Кричать от боли – моя защита. Будучи предательски обезоружен, тело хоть и было не подвижно, но болевые рецепторы, по ходу, работали на все сто. Сука. Мои уговоры не производили на мучительницу никакого воздействия и она продолжала священный ритуал.

Агафья нащупала одной рукой мошну, а другой рукой, крепко сжимающей раскрытые ножницы, проткнула плоть. Затем она сложила ножницы вместе и принялась резать тонкую ткань, словно бумагу.

От адской боли я был вне себя.

– Сам виноват. Уйти ведь мог. Вот хату мне и посторожуешь.

После этих слов Агафья засунула пальцы в образовавшийся-

ся разрез и вытащила мои яйца.

– Хороши малыши, – её последние слова, которые смог я разобрать, находясь при памяти.

Ножницы сошлись, перерубив мои семенные каналы.

– Так-то оно лучше будет. Кто знает, когда следующего ждать.

После этого хозяйка тайги взяла иглу с грубой нитью и кусок собачьей шерсти. Собачью шерсть она вставила мне вместо яиц, предупредив, что ей так, якобы, спокойней будет, да и убежать уж не смогу. Сделав несколько стежков, пригнулась и зубами откусила нить.

Одно моё яйцо Агафья затолкала себе в пизду, другое же скормила Карлубаю...

Не знаю, сколько времени я провел без сознания, но, очнувшись, не узнал себя. Мой дом теперь – собачья конура... Да и сам я из простых собак, не из породистых...

Перо седой бороды

Помимо Антохи в комнате был ещё кто-то. Этот кто-то бесчинно топал по полу маленькими зловещими ножками, скрежетал чем-то и стремился залезть под одеяло. Кто-то маленький, покрытый колючей и жёсткой шерстью, лазил по нему, да так, что нельзя было не почувствовать. Несколько раз даже Антоха пытался скинуть это неведомое существо на пол. Удачно. Звук грохнувшегося на пол тела был не из

приятных. Тело ворочалось, чем-то кому-то угрожало своим писклявым языком, переворачивалось на живот и вновь и вновь стремилось взять штурмом одеяло, словно неприступную крепость.... Каждая новая попытка отличалась всё большей настойчивостью и уверенностью в своей безнаказанности.

– Да что ж ты делать-то будешь, а? Ебучий случай, – выругался Антоха в кромешную тьму. При этом он очередной раз спихнул ногой с кровати маленький пушистый комочек, встал и включил свет. Огляделся.

– ****ь! Что это ещё, сука, за ****ня то такая! – отсутствующие волосы на голове встали бы дыбом от увиденного, но их не было. Потому он лишь пригладил густую бороду своей могучей рукой.

На полу, везде, во всех уголках, там и тут сновали противные, огромных размеров, пауки. Их было много. Откуда взяться им в таком количестве у него в квартире оставалось загадкой, но факт их присутствия оставался фактом, причём мало приятным. Один из пауков, оборзев окончательно, полез к ногам Антона и, выставив вперёд свои волосатые лапки, стал карабкаться по нему.

– Да иди-ка ты на **, мудило членистоногое! – Антон

сбросил его, схватил лежавший на столе журнал, скрутил его и принялся неистово бить орудием по вражьи́м кудрям. Вскоре весь пол был покрыт кроваво-чёрными следами, что ступить было негде.

Мельком бросил взгляд под кровать. Огромная серая мышь с огромными зелёными глазами командовала отрядом паукообразных, возвышаясь на каком-то подобии деревянного щита на колёсиках. Те, кто знают или видел нищих попрошайек-инвалидов без ног или смотрел фильм «Открытые ладони» понимают, о чём я. У мыши так же не было задних лап, а передние были длинные и сильные. На её короткой шее висел золотой медальон на цепочке. Завидев его, мышь ослабилась всей своей пастью и, поняв, что проиграла, быстрыми размашистыми движениями передних лап покатила на своей коляске во всю свою мышиную прыть, что было сил.

– Стой, сучья морда, кому говорю!

Антоха бешено орал и на корячках полз за мышью, колотя своим свёртком по полу. Но трижды проклятая зеленоглазая мышь-инвалид, как ни странно, оказалась проворней. Она забилась под шкаф и скрылась из виду.

От стуков, возни и отборного громкого мата проснулись соседи снизу. Они застучали по батарее, напоминая, что уже

поздняя ночь и завтра им на работу.

Антоху окончательно добило это:

– Да пошли вы тоже в ****у все, ублюдки! Да я вас в рот **** и вашу работу!

Было слышно, как негодуют соседи снизу и обещают вызвать милицию, если он не успокоится. Соседи с других квартир так же начали выказывать своё недовольство.

Вскоре ему позвонили в дверь.

Антоха нехотя пошёл открывать, в одних трусах и свёрнутым журналом в руках. Соседей было двое. Они были зашпанные и злые. Вступать в перепалку с ними Антоха не собирался, он хотел лишь показать им причину, по которой и был устроен весь сыр-бор.

– Молодой человек, вы что себе позволяете? Время знаете сколько? Либо вы ведёте себя достойно, либо мы пишем коллективную жалобу на вас! – чётко и ясно сказал ему один из соседей тоном, не требующим возражений.

– У меня пауки, – отмазывался Антоха, – огромные чёрные пауки. Они покрыты шерстью полностью. Как таранту-

лы, наверное. Я не знаю, откуда они взялись. Их много. Там. В спальне. Их десятки. Я поубивал их. Можете сами посмотреть, если не верите мне. Идите же! Идите!

Антоха возбуждённо говорил им, его взгляд был стеклянный и он постоянно крутил свёрнутым журналом перед их лицами, показывая запёкшуюся кровь на нём и ошмётки паучьих тел.

– Тьфу ты, мать твоя женщина! – сплюнул один сосед и вышел вон из квартиры её странного хозяина. Другой сосед остался.

– Ну, пошли, посмотрим, что у тебя там за пауки такие. Тарантулы говоришь? Откуда им в наших краях взяться, не знаешь? – средних лет мужчина пошёл в направлении спальни. Антоха последовал за ним.

– Вот, как вам картинка! – спросил Антоха у мужчины, показывая на раздавленные трупики, что всюду были, как он думал.

Пол был чист. В смысле он не был, конечно, чист, Антоха давно уже не убирался, но трупиков не было. Их не было так, как будто их не было вовсе. Никогда.

– Да как же, вот, журнал посмотрите, – Антоха показал вновь журнал. Журнал был чист. На нём не было ни крови, ни ошмётков паучьих тел. Он был как новый, только купленный, лишь измят слегка. Его пробил озноб. Он стоял и тупил, не понимая, что происходит. Ведь только что их было много, они были всюду, а теперь их нет. Они исчезли. Ничего нет. А мышь? Может, и её не было? Да нет, была. Точно была. Про мышь он не стал говорить...

– Молодой человек, вам бы выспаться не помешало. Не морочьте мне голову и ложитесь спать, я прошу вас, по-человечески прошу.

После сказанного сосед ушёл к себе. Вниз. Ведь он то и жил квартирой ниже.

Антоха закрыл за ним дверь и оглядел себя в зеркало, что стояло в прихожей. Растерянный и озадаченный вид его смотрел оттуда. Отражение ехидно улыбалось и что-то ему говорило. От увиденного глаза полезли на лоб. Антоха стоял и смотрел, а отражение в зеркале жило своей жизнью. Кричать от страха не было больше сил, как не было и желания делать это. Обессиленный Антон прижался к стене, напротив зеркала, и начал сползать вниз. «Зеркальный» же продолжал что-то говорить и смеяться. Антоха не мог его слышать, и он просто пытался прочесть по губам обращённое

к нему. Ничего не получалось – Антоха плохо умел читать по губам. «Зеркальный» нагнулся куда-то, затем встал. В руках он держал ту самую зеленоглазую мышь-инвалид с золотым кулоном на шее. Мышь тыкала в него пальцем с зеркала и открывала свою пасть. Антоха сидел на полу и, схватившись за голову, молча и тупо наблюдал, как в телевизор. «Зеркальный» смотрел на себя сквозь стекло и ругался. Он бережно держал мышь, будто она была бесценна, и гладил её. Затем он опять нагнулся, исчезнув из виду на короткое, непродолжительное время. «Зеркальный» встал, посмотрел немигающим и холодным взглядом на Антоху и пальцем поманил к себе.

На трясущихся ногах Антоха подошёл к зеркалу. Тот, который за стеклом, подзвал его ещё раз, пальцем, чтоб он подошёл поближе. Антоха повиновался. Парень за стеклом смотрел не мигая. От взгляда веяло холодом и кидало в дрожь. Антоха следовал его указаниям как загипнотизированный и приблизился к зеркалу максимально близко. Сердце бешено билось. «Зеркальный» стоял, не двигаясь, и взгляд его уже не был холодным. Скорее наоборот. Он был напуган, как был напуган реальный Антоха, стоящий у зеркала с дрожью в коленках и одних трусах. Физиономию «зеркального» скрутило от адской боли. Он часто хлопал своими чёрными глазами и плакал. Реальный же стоял как заколдованный и продолжал пялиться. Сердце выскакивало из гру-

ди, носом от напряжения пошла кровь. «Зеркальный» продолжал мучиться от боли. Ему было больно. Отчего? Какая неведомая сила заставляет так страдать его? Антоха не знал, но знал, что это очень больно и ему не хотелось быть на его месте. Затем густая смоляная борода «зеркального» зашевелилась. Из неё вылезли длинные худые пальцы. Они были тонкие, эти пальцы, худые. Настолько худые, что были заметны суставы. Эти пальцы раздвинули бороду «зеркального» в аккурат на две части. В образовавшемся проёме на Антоху из бороды смотрел чей-то коварный, круглый глаз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.